

МОСКВА 2002

© А.И.Воловик (автор), 1994

© А.И.Воловик (издатель) 2003

© Обложка и титульный лист тоже мои!

*Для веры непременно Откровенье.
Для тлена — жизнь, а то — чему же тлеть!
А вдохновенье гонит кровь по вене,
и вена извивается, как плеть.
Взмах — и лицо украсила гримаса
восторга, перемены бытия.
Гоню галопом глупого Пегаса!..*

В пампасы славы, полагаю я.

1990

ПОЭТА САН ТОРЖЕСТВЕННЫЙ

НАЧАЛО И КОНЕЦ (1990)

Трудно начать — я слышал от начавших —
проще продолжить: начало-то есть!..
Может, и так. Но значительно чаще
главная трудность, конечно, конец.

Мало сыграть в окончательный ящик.
Стих — мой пожизненный ангел и бес —
он и посмертно мне ЗАГС и СОБЕС,
телохранитель и душеприказчик.

Трудно начало?!.. — Присутствуя днесь,
мысль извращая посредством словес,
выйду ль за рамки, и где — настоящий?..

Только конец, точно телекинез,
нерукотворно взметнёт до небес
прах и низвергнет в пучины *смердящи*.

*** (1986)

В ожиданье транспорта позволим
поиграть с собой в свободу воли.
Вот сижу я в Болдинском лесу.
и Жар-Птичек шариковых перья
я грызу, как Пушкин, и теперь я
пользу несомненно принесу.
Привнесу в родимую словесность
кое-что несвойственное ей.
Средь еврейских болдинских корней
(на арапа выбранная местность)
пятистопный отыщу хорей
да как стану им дундеть и гукать,
классиков занюханных аукать
лирой ненастроенной моей.
Старость, нерастраченную съюна,
мне на то оставила фортуна,
чтобы это...

***** (1980)**

Форма, видите ли, срослась с содержанием,
но страдает содержания недержанием.
Льётся оно наудачу из формы...
Вот и я придерживаюсь той же платформы.

*** (1989)

Сажусь на своего конька
(дракон подземный еле тащится),
ещё мне рифма — злая падчерица:
батрачит, но — без огонька.
Уймись, боязнь бумаги девственной
и не измаранной нимало.
Ни дня без *этого*,
 не то пиши пропало,
и — где Поэта сан торжественный?..
Ни дня без рокового шага,
и в переполненном троллейбусе
неодолимо, хоть убейся,
да прошуршит моя бумага!
И даже если голос внутренний
плутает в мясе и не слышен,
мы всё-таки ещё попишем,
намаз езды исполнив утренний.
А там — дороги панацея,
а там, глядишь, раскочегарится,
и с рифмой мы уже товарищи,
и — *чем случайней, тем вернее.*

*** (1989)

Неважно, о чём. Вернее тем, чем случайней.
Чем зеленее, тем и съедобней плод.
Строка за строкой — и сам я себе начальник.
Строфа за строфой — и нету иных забот!
Диктует стопу кувыркание колёс трамвая.
Забыть обо всём, а особенно — о плохом.
Я выпал из мира. Выдумываю слова я.
Вот в кучку сложу их и объявлю стихом.

*** (1990)

...И мы сидели, группа монстров,
вокруг казённого стола,
и колебалась амплитуда:
о том — о сём, о том — о сём.
Нас, как безродное семейство,
запечатлённое стеной,
Меркатор, именно, известный
препроецировал в упор.

*** (1989)

Понять, кто талант, кто бездарный
что съесть всех собак на Руси!
Поэзия так элитарна,
что прямо хоть стих выноси!
И вот его в жизнь выношу я,
в житьё, извиняюсь, бытьё,
простейшую речь ритмизуя,
вводя поэтизмы в неё.
Что жизнь — только пиво да воды,
квартира, карьера, фирма...
А жизнь со стихами — Свобода
(хотя, может быть, и тюрьма).
Я в тайную дудочку дую,
секреты метафор ищу,
как жалкий несун — в проходную
стихов сочлененья тащу.
Вот-вот зазвенит и забудётся
над строчками солнечный нимб,
и небо над ним развернётся,
и бездна завоюет под ним...
Но прозу и небо, и бездна
(особенно бездна!) — страшит!
И внутренний цензор (О бездарь!)
на страже комфорта стоит.

В ПОЕЗДЕ (1987)

(жареная классика)

Про рифму знать не ведаю, покуда —
стоим. И вся поэзия — пустяк.
Классическая жареная кура
в стальных моих крушится челюстях.
Но лишь вагон тряхнёт трёхфазным током,
сглотнув рябой километровый дух —
меня как клюнет, скажем, *пятистопник*,
классический, как жареный петух!
И вот из самых молодых зелёный,
созвучный всем, кто лает и жужжит,
мой стих, как тот классический цыплёнок,
пищит и безусловно хочет жить!

ГЕРОЙ (1990)

Лирический... да нет, он саркастический,
ну, мой юмористический — герой,
способен, гад, талантлив — фантастически,
весь заряжён божественной искрой.

Пока кусаю бороду и чёркаю
(то то не так, то это кое-как...) —
он хмыкает над каждой оговоркою
моей, да вслух, ведь нет чтобы в кулак!
А стоит мне немного успокоиться,
решить, что всё, нет вопиющих мест —
он тут как тут: на разговорной скорости
импровизирует довольно складный текст.
Он помышляет только о возвышенном,
а там без разницы — Олимп или Сион!..
Все козыри мои он *фоской* вышибет,
и мне конец, когда начнётся он.

КАК ПРИНЯТО... (1994)

Как принято у нас на Востоке,
 который, как и Запад, ни с места,
любая маломальская песня
 имеет посередке цезуру,
похожую на маленький синус
 в его неположительной части,
дотошно соблюдающий фазу
 движения в двугорбом режиме.

Как принято у нас, у приматов,
 в приличных и порядочных стаях,
уныло, как студентки N-фака,
 где N определяется ночью,
выходят от и.о. Гутенберга
 на волю — чистой повестью тексты,
крутящие в районе Динамо
 свои договорные сюжеты.

Как принятая вовремя доза
 от холода спасёт и от СПИДа,
фигура умолчания смысла
 восполнит недержание слова.
Как принятый в почётные члены,
 миг, якобы прекрасный, недвижим,
и прыгают по строчкам поправки,
 как принятые в первом же чтенье.

ИГРА (1992)

Что значит «творчество»? — Оно игра.
Не надо морщиться, водить поря.
Не жалкой салкою, не в домино,
а — вроде сталкера (см. кино).

В ночи торжественной, как балдахин,
жужжат торгующие барахлом:
— *Да это ж лежбище баллад и схим...*
— *Нет, это гульбище шарад и хохм...*
— *Ах, это поприще ума и чувств!..*
— *О вакханалия слогов и нот!..*

Да это, знаете, — мура и чушь.
кому не налили, тот и не пьёт...
Цугцвангом шествуя из бара в холл,
упал вистующий: был мал да хил...
Там и торгующие барахлом,
где храм торжественный, как балдахин.

А в утлой хижине, ковчеге дум,
как неподсвеченный, бледнеет ГУМ,
летают чижики, свистит лапта,
и лунным светочем ночь залита.
В сиянье месяцев, в потёмках дней,
миры мерещатся миров чудней.
Они реальнее вещей и тел.
Не тьма анальная, а леса тень.

Не скрежет лифта и не шины всхлип,
не ворон, каркая, роняет сыр,
а — шорох лиственниц, рыданье лип,
дриада арфою струит эфир...
Эфир, как плазма, а душа — фужер,
да не преполнится ея объём!..
Наглядным пламенем из фибр, из жерл
да вспыхнет Творчество — ***Игра с Огнём!***

*** (1992)

Когда под кнутом вдохновенья
уложены букочки в ряд,
и ангелов сложное пенье
не ранит взыскательный слух,
тогда возникают из мрака
кудрявые тени коряг,
которые терпит бумага
без, вроде бы, видимых мук.

Я, стихотворенья директор,
умеренный прапорщик слов,
вхожу, как простой вивисектор,
с метафорой наперевес.
Я что-то кромсаю и чищу
и определяю на слом.
Перо в моих грубых ручищах
работает, как Днепрогэс.

И вот интенсивно коснеет
крылатое тело стиха,
его амфибрахий тускнеет,
и ритму хребет перебит.
И вот, в результате творенья
совместного: мной и в *верхах*,
вы видите стихотворенье.
Приятен ли вам этот вид?

*** (1993)

Поставил дату — как груздём назвался.
Грех упускать пустую электричку,
предпочитаемую авторучку
и записную, как нарочно, книжку.
Грех упускать летящую природу
и шум дождя, а главное — свободу,
когда стихи стихийно происходят
подобно муравьиному дыханию.

Вот, я — пишу, хоть, как заметил выше,
мог не писать бы.
Впрочем, отчего же...

ЛЕЛЕЮ ОБОСОБЛЕННОСТЬ ДУШИ

ПЯТЬ СТРОФ (1994)

Иосифу Липкину

Не пройтись ли по карте морскими путями,
с верхотуры упав на тропу авантюры?
Сшить Атлантику Зингером, выйти к Панаме
и по Тихому тур предпринять в Порт-Артур...

Курс рассчитан по лампам в плафоне каюты.
Под надёжным компасом — надёжный топор.
Сорок градусов ром, и четыре минуты,
чтоб сверстать всех навеки в единый набор.

О чугунная матрица в форме матраца!
Напряжённый *Гантмахер*¹ строки и столбца!..
Представления групп²...

Матросня будет драться.

Ну, не глупо ли, братцы, стоять до конца!..
Но бессовестно бдит комендор бесноватый,
отпивающий *склянку* в назначенный час
(да, про ром уже было...), и близится к пятой
и последней строфе земноводный Пегас.

Вот она.

Одинокий мой парус прочертит
незабвенный пунктир в нереальной дали,
и на карте проступят, как водится, *черви* —
то ли знаком любви, то ли страхом земли.

¹ См. Ф.Р.Гантмахер, Теория матриц, М.,ФМ,1967

² См. М.А.Наймарк, Теория представлений групп, М., «Наука»,1976

В ТРАМВАЕ (1988)

Провожу, не скучая, досуг скоростной
на гремящей трамвайной корме.
То пленяюсь в окошке мелькнувшей красой,
то играю в уме в буриме.
Тополиные пыльные перья летят
(так и хочется крикнуть: как снег!)
А кругом — то кулисы, то сцена... Театр.
Тот, в котором актёр — человек.
У вокзала толпа, торопясь на перрон,
замедляется всё же у касс.
И орёт гегемон, что ему не закон
пресловутый глупейший указ.
Хорошо гегемону! Но вялый экспресс
тарахтит всё вперёд и вперёд.
Вот целуется пара. Вот банк. Вот собес.
Вот и кладбище: вдруг кто помрёт!
Вот влезает в трамвай старичок инвалид,
а за ним толстячок норовит.
— Вот вам и перестроились, — он говорит.
— Да, уж, точно, — старик говорит.
Школьник старцу дал место. Умолк разговор.
Уступить толстяку, или нет?..
Тут, доселе незримый, встаёт ревизор:
— Попрошу проездной документ!

ПО СПИРАЛИ (1986)

Творец — теоретик скорее, чем практик.
Венец арифметик — скопление галактик.
Но график развития космоса в точки
по мере прогресса подтянет виточки:
Земля — не звезда же! Пустыни и горы
за место в пейзаже не кончат раздоры,
пока не покажутся — как в окуляре —
двуногие злые смышлёные твари.
Под ними скребутся невинные мышки,
беседуют буквицы с буквами в книжке,
которые молча строчит авторучка
(такая писучая тонкая штучка).
Ползёт паучок по седой паутинке,
качается пчёлка на тощей былинке,
красивая бабочка крыльями машет,
полезный микроб создаёт простоквашу.
Урчит протоплазма в невидимой клетке,
молекула страстно прильнула к соседке,
и вирус становится собственным братом,
и непредсказуемо крутится атом.
Протоны вращаемы (судя по *спинам!*)
и *неисчерпаемо антинейтрино...*
Оно бы рвануло из плена на волю,
да хрен его пустит теория поля!

СЛУЧАЙ (1990)

Дует весенний безлиственный ветр.
Гонит весеннюю жгучую пыль.
Гонит «жигуль» в некрасивый кювет.
И — кувыркается автомобиль.

От головы у водителя враз
кепки летит пёстрокрылый мотыль.
Лик его тут же меняет окрас:
розовый — сер стал и красен чуть-чуть.

Дядя водитель! Постой! Я сейчас!..
Нет... Он навеки отправился в путь.
Он улетаёт в бездонный эфир.
И — не догнать его, и — не вернуть.

Ветром он сдут. А вот в лучший ли мир?
Точно ли вечен там — демисезон?
И исчерпал ли он скучный лимит
В городе пыльном, в доме седом?

БЫТИЁ И СОЗНАНИЕ (1983)

Ныржаем в мироздание,
как рыбка в водоём.
И в очередь Сознание
встаёт за Бытиём.
Но морщит лоб Сомнение
и портит цвет лица:
— А ну как, тем не менее,
движение — с конца:
материя — обмылочек
духовных пирамид,
а Бытиё — в затылочек
Сознанию сопит?..

*** (1994)

Какое имеешь ты право
быть лучше, чем кто-то другой,
из общего скомканный праха
и общей набитый трухой!

Но даже *затуркан* в массовках,
не смеешь быть хуже других,
из личного пламени соткан
и личную трель протрубив.

*** (1988)

Лелею обособленность души.
Из злых глаголов выставил охрану.
Моя дорога к храму не спешит,
а именно проходит — мимо храма.

ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ (1990)

То в кодексе ветхом, то в юном завете,
но в моно-, то в многопартийном труде
ловцы человекoв расставили сети:
то эти — то эти, то эти — то те.
В скрижаль этой жизни я вписан навечно,
но с неба, конечно, хватать не готов
ни *пентаконечных*, ни *гексаконечных*,
ни *тетраконечных* (заплечных) крестов.
Плыву между ними беспечною рыбкой,
кощунствую грязно в бесплотной душе.
А внешне я — паинька с робкой улыбкой,
«*пардон*», — говорю, — «*у-тю-тю*», и вообще...
В скрижаль этой жизни я вписан навечно —
не в кучке-могучке, а сам по себе.
Прощайте, ловцы даровых человекoв.
Завидую вашей посмертной судьбе.

ОТ ИОНЫ (1986)

В чреве кита — удивительно ли, что темно!
Анаэробика: нечем дышать. И фонарик
Здесь не горит. И, к тому же, ужасно воняет,
булькающая, непереваренное дерьмо.

Склизкие твари касаются рук и лица.
Воеет кишечник, как будто нечистый с амвона.
Но говорю себе: стой, не сгибайся, Иона!
Всё претерпи, или ты над собою — не царь!

Скачет чудовище книзу и вбок на волну.
Компас бы слопало что ли, хотя бы для виду...
Гаснет в просвете резцов
 вожделенный маяк *Атлантиды*,
альтернатива забвению и гарпуну.

ВСЁ НЕ ТО (1985)

И бел, как будто, плащ, и красная подкладка,
и грозен римский мат сквозь иудейский клик.
Но всё не то, хоть плачь, произошла накладка,
и всадник не Пилат, и Ирод не велик.

И тот, кого ведут на утлую Голгофу,
непризнанный пророк, бродячий анекдот,
не призовет на суд ни вечность, ни эпоху.
Его окончен срок, поскольку он — не Тот.

Он зря твердил про храм какой-то новой веры
и тщетно понукал упрямого одра.
И шепчут по углам былой и новой эры,
что зло он отличал навряд ли от добра.

Отсюда — перекося и двойственные взгляды:
одних хлещи кнутом, другим — подставь щеку...
А мы живём легко. Нам крайностей не надо.
Жуём с закрытым ртом. Молчим. И — начеку.

ЛИНИЯ ЖИЗНИ (1970)

Имея левую руку
с извилиною громадною,
я уважаю науку
окультурную: хиромантию.
Она объясняет веско,
что жизнь мне дана не наскоро,
что много в ней счастья, блеска,
что бабами вся заласкана.
Мне хиханьки всё да хаханьки,
мне до ста — тосты да танцы...

Но кто это там, такой махонький?..
Клешнёй к извилинке тянется...

БИОРИТМЫ (1988)

Кто другой — так навряд бы и вынес,
пальцем ткни — он и то заорёт.
А во мне бултыхается синус,
мельтешит то назад, то вперёд.
Интеллект ослабел — ну, так что же!
Я ж за это изящен душой!
Огрубел? — Но, как синус, под кожей
круто пучится бицепс большой.
То прогнусь я в немыслимом *весе*,
то в науках проснусь корифей,
то, как птичка, я плаваю в выси,
то бряцаю струной, как Орфей...
Если ж промах, то в таком разе —
что́ Сион мне, Олимп да Парнас!
Ну, немножечко сдвинусь по фазе,
амплитудой проткну резонанс!..
Жизнь скользит, словно волос по бритве,
с каждым мигом всё меньше права.
И качают её *биоритмы*.
А качаться она *здоровà!*

НА ПРИЗНАНИЕ АСТРАЛА (1988)

Казалось, всё — мура, а вот те на: телекинез!

Кто телепат, тому *астральное* открыто.

А нам талдычили всегда —

мол, гуманиз**ь**м, прогресс...

А вот, что оказалось — без Главлита!

Внушаются отличникам пятёрки в дневники,

гнушаются уборщицы сортиром —

метла летит по воздуху с совком вперегонки,

и мысли мудро управляют миром.

Себя *телепортируют* с базара на балкон

домохозяйки, а из школы — внуки.

Бредут *автоконвоем* преступившие закон,

и Совесть им выкручивает руки.

Гипноз — почти ликбез,

когда знаком от сглаза код.

Спиритуальность укрепляет волю.

Разумно-добро-вечное само собой взойдёт,

когда *медитативно* биополе!

ПОДЛИННЫЙ СЛУЧАЙ (1994)

С телевизором ухо держите востро:
в телевизоре прячется бес.
Он хихикал срамно, он химичил хитро
над красотками в майках и без.
Но получит он скоро вполне поделом,
отрицательный этот герой.
Ведь крадётся не зря к нему тётка с ведром
с, между прочим, святою водой.
Вот она поднимает свой тяжкий предмет
за дугу и за краешек дна
и плескает на беса, и пусть на паркет —
лишь бы был посрамлён сатана!
Сатана посрамлён, на кусочки разбит
не астральных — осколочных тел.
Как реактор, рванул и сгорел, паразит,
и как раз в нём астролог сидел!
Дорогие ребята! Имейте в виду:
враг наставил антенны — на вас.
Надо — чтоб не гореть через это в аду —
телевизор спустить в унитаз!

ДЕМОНЫ (1988)

Я когда-то вычитал в *Книге Иносказаний*,
будто бы Демоны правят миром,
и каждый — гений.

Но — темно. Преподай, демонолог,
основы об этом знаний.

— *Где же вы, Демоны!* — вопию,
упав на колени.

Может, они внутри нас, или где-то вне
(как начальство?..)

— *О Демон Света! Сиятельный демон Света!*
Освети, проснись!

В просвещении поучастуй!..

— *Где пюпитры твои, Музыки Демон?..* —
Но нет ответа.

И Демон Света, хозяин квантов, корпускул,
из жалости что ль — чтоб без стонов —
добьёт баклуши...

И Демон Дома не чистит труб,
не квасит капусты,
но в боязни озноба
забился в стенку по ўши...

Это ли Демоны — точки размером с атом!..

Или — которые осовели от сна и жира?!..

Нет! Но — пугают лицом беспардонно усатым
беспартийные Демоны Паспортного Режима.

Демоны Сумерек: «Ура!» и «Рады стараться!»

Демоны Дворники не метут: они — понятые.

А метут — Демоны-Монстры,
сборищ гроза, демонстраций,
и Демоны Школ, карающие за запятые.

Демон ближе к трамвайному хаму,
чем к робкой серне.

Сунь ему палец — зубы воткнёт

по самые дёсны!..

Истинный демон ведёт себя архискверно.

Но зато деяния его всегда судьбоносны.

Может, он ростом или там рожей не вышел...

— Кто им считает!

Их — вечность, покой несказанный...

А всё-таки — выше они меня, или я их выше?..

И права, виновата ль наивная

Книга Иносказаний?

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЕЛ (1988)

Внешне с виду я как-будто спокойный,
нет в помине ни апломба, ни гонора.
А душа моя — фантом преисподний,
прямо и точности Медуза Горгоновна.
Я чего-то вычисляю про атом,
я рифмую, развлекаюсь верлибрами.
А она — всё кроет внутренним матом
без зазрения чего бы то ни было...
Вот когда мы с ней расстанемся *в бозе*,
я отправлю своё мясо бессмертное:
пусть маленько пошукает в обозе,
где пылятся запасные да сменные.
Может, выудит какую поплоче,
там, б/у от душегуба партийного,
или, может, от Тотоши с Кокошей
с сохранением их лика портретного.
У злодея-то: на морде — злодейство,
А в уме, поди, цветочки пахучие...
Вот сольюсь с его душою совместно —
буду жить цельный век в благополучии.
Ничего-то мне не надо иного.
Кыш протоны да нейтроны с верлибрами!..
Но не скажет никакой Иегова,
то ли самое нам даст, что мы выбрали.
Может, это ещё всё под вопросом —
в отношении замены на лучшее...
Но с каким же мы останемся *носом*,
если туловища мрут вместе с душами!

ПОБЕДА НАД КОЩЕЕМ (1989)

На что иголочка Кощею,
для штопки шапок и вещей?
— Нет! К голове надёжней шею,
Кощей, иголочкой пришей!
В его иголочке таится
та искра, из которой вмиг
огонь огромный разгорится,
и в том огне сгорит старик...
И он, бессмертный лишь условно,
всегда бежит, всегда дрожит
и утверждает *уголовно*
возможность вечность пережить.
Иван-царевичей с десятков
голов натыкал на шести.
Он помнит, как был резв десятый,
и позабыл войну с шестым.
Но вот одиннадцатый скачет
и грозной палицей трясёт.
Ах, это значит, это значит,
что роковой подходит счёт.
Остались два шеста пустые,
светила не замедлят ход,
и кровь змеиная застынет,
когда двенадцатый придёт.
Он всё свершит с великим толком —
по предсказанью и судьбе.
Но ту Кощееву иголку
не сломит, а — возьмёт себе!

ЕЩЁ О НЁМ ЖЕ (1989)

Яйцо — начало и основа,
в нём жизнь и смерть для всех вещей.
Сломай иголку, и Кощей
умрёт, бессмертный лишь условно.
Как будто некий *Вечный Жид* —
за грех наказан *вечной жизнью*.
Но — отражён в яйце, как в линзе —
и смерти он не избежит.
Мы все немножечко кощеи,
что наша жизнь? — Одна мура.
Напрасно ищут топора
податливые наши шеи,
напрасно нам покой сулит
наган (и пули боевые)...
— Нет! Только *иглотерапия*
нас, как кощеев, исцелит.

ОСТАНОВЯСЬ НА ПОЛУШАГЕ

ОБМЕН (1987)

Со столбов обрываю
листки телефонного кода.
Ты готов на обмен?
Предложения жажду и жду.
Мне желателен рай
с безраздельною райской свободой
за кромешную тьму,
совмещённую с пеклом в аду.
Пусть отныне кружат надо мной
мои синие птицы,
пусть топырит смешно
простодушные перья фазан.
Не взглянуть бы назад
и от жалости не обратиться
в камень или бревно,
не рвануться бы только назад!
Ты готов на обмен?
только честно! Отдам без обмана
за любовь каламбуры,
в которых считался мастак,
за снижение цен —
Ювеналовы стрелы (с колчаном!)
и бесплатно — от юмора: чёрную метку и флаг.
Разве розы мои рождены из паров керосина!
Разве выживу — злясь,
выражением общим безлик!..
Жало *злыя* змеи возвращаю теперь Серафиму
за непламенный взгляд
и за свой, хоть и косный язык.

*** (1983)

А.

Я не живу с твоей карточкой,
лживой от времени, крапчатой,
выжил и так, и пожалуйста —
даже глаза не мокры.

Время садиться на корточки:
прошлое рад до утра б читать,
время качаться китайчато,
веки полуприкрыв.

Время — садится на корточки.
Память — светла и улыбчата.
Впрочем, чревата провалами:
связь-то времён порвалась³!
Смрадно дыхание форточки.
Стрелки часов — точно рыб чета.
Плавает пепел по комнате,
пачкая красный палас.

Время сочится песочное.
Чушь утечёт чемоданная.
Память, как магия магния —
миг ослепит и спалит.
Мафией лайнер захвачен...
В фарватере — Обетованная...
Но где же твоя фотография,
главная, как исполин.

³ См. стр. 42.

*** (1983)

Л.

Остановясь на полушаге,
глазами список пробежала
тех, чей фонарик из бумаги
раскрасить тушью надлежало.
Вдруг иероглифов зигзаги
на миг иначе увидала:
— Мы рядом здесь, — она сказала.
А он добавил: — На бумаге...
Слова свистели как свистульки
и как дробинки или пульки,
и как синичка в тёмной сини
свистит на шёлковой картине.
Как в море тающий кораблик.
Как улетающий журавлик.

*** (1990)

Бессонница. Комар. Такая полоса.
Я списывал рецепт и, изучая вина,
последствия сравнил, как будто полюса,
и вышло, что на всех одна и та же льдина.
Бессонница. И вот — бессилён сам Морфей.
Напрасно бьёт крылом, выделявая пассы,
напрасны все ходы, что у него в запасе,
и заклинательная музыка *морфем*.
Я думал, музу призову, и вот —
закончен с ней роман (когда он не приснился!)...
С бессонницей легко бы справился Эрот.
Но, к сожаленью, он не появился.

ЛИРИЗАЦИЯ (1987)

С утра без добра каменею,
и, злобе ямы не вырыв,
к Эроту и Гименею
ухожу из хора сатиров.
От эмпиреев дури
спущусь в прописные кущи.
Чтоб, значит, поближе к натуре,
где жизнь посочней и погуще.

Я юмором сыт по горло —
хлебнул и закинул лапоть:
гуманней (уж если припёрло)
в сердечную метить мякоть.
И вот я на этой... грешной.
Блудом несёт и соблазном.
И я говорю о внешнем,
но размышляю — о разном.

Вот Флора: морковь с томатом.
Фауна — сардинелла.
Вот Купидон с автоматом,
и розовы стёкла прицела.
Пулю хирург не вынет,
подставился — так с концами!
А кто поражён навывлет —
на горку катает камень.

За ними надзор Гименея,
и что́— что стелили мягко!
Бесчувственной, но умнее:
проштрафился — спать на лавку!
А те, кого чуть задело,
контузило, может, малость,
тоже берутся за дело,
отстреливаться пытаются.

Партизанам большого секса —
что эроты да купидоны!..
И летят под откос повсеместно
семейные эшелоны.
Влюблённые твари мечутся,
растрепавши власы и нервы,
в белёсо-розовом месиве
разнообразной скверны...

Найти б в этой каше азимут,
хоть выползти на коленях!..
Но — всеми членами вязну
в ихних в(л)ажных проблемах.
Ночь. Настроенье отвратно:
боюсь рокового финала.
— Впустите меня обратно,
Зоилы и Ювеналы!!!

ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ

РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН (1983)

Распалась вся связка.
Времена, как баранки,
раскатились под шкафы и диваны.
Вот *Футурум* цепляется за ноги.
Вот *Перфектум* — в состоянье нирваны.
Беззвучно беснуется *Императив* оголтелый.
Св. *Деепричастие* — в обмороке за буфетом.
А на чердаке — окаменелый, как Доротея —
корячится обессиленно *Плюсквамперфектум*.
В атмосфере плавает
восхитительное Безвремяе:
Ренессанс вперемешку с Ампиром и Кичем...
Остановитесь, пожалуйста,
многоуважаемое Мгновение.
Вид Ваш очень уж необычен.

ТРУБА (1986)

Скучна бытия церемония:
труба к обеду и к бою,
труба картавит и хрюкает:
зовёт служить *алтарю*.
И мы, излучая зловоние,
строим прём за трубою
и *то же самое* хрюкаем —
верно вам говорю!

А тех, кто потупились лицами
и думали — улизнули,
чей умысел — не соваться
под гусеницу судьбе,
тихонечко за кулисами
сажают на кнопку в стуле,
смеясь, гримируют ваксой,
посыпают «*Циклоном-Б*».

О алгебра и гармония,
разность потенциалов!..
Труба, короткая юбочка,
конклав, ассамблея, съезд...
Скучна бытия церемония.
Фортуна, потанцевала б!
Труба, да трубка, да трубочка...
Глядишь — духовой оркестр.

ПЛАТФОРМА... БОЛОТА (1985)

Мы в общем неплохо сыграли в Игру,
хотя и получше могли бы.
Тепло нам и сухо, и мечут икру
для нас наши *красные* рыбы.
Мы славно сражались — пора отдыхать,
пока ещё живы и в форме.
И весело нам хохотать и махать
и песни орать на платформе.
И радостно смрадный покинуть вагон,
а поезд — пускай (*по спирали*)
со свистом и с воем уносится вон,
в свои неприятные дали!..

И вот мы в тиши, далеко от Москвы,
кругом комары да болота.
Мы машем руками вокруг головы.
Молчим. И невесело что-то.
И кажется, наш паровоз не ушёл,
и дым его с нами навеки,
и единогласно жужжание пчёл,
и люди не все — человеки.
И что́ не под силу куснуть комару —
пустяк для лавины и глыбы.
И что — *архиплохо* вели мы игру
и лучше едва ли смогли бы.

КОМПОЗИТОРЫ И ПОБЕДИТЕЛИ (1988)

Композиторы живут — в мире закорючек.
Лапки кверху — ножки вниз, *tra-la-la-la-laj!*
Их скрипичные ключи до чего скрипучи —
прямо хочется на них запереть рояль.

А кругом идёт борьба в мире капитала.
И — где капитала нет — тоже всё борьба.
Каждый каждого тузит, лупит чем попало.
Всякий гнёт свою спираль, *pa-ba-ra-ba-ba!*

Победители живут в мире авторучек:
то автограф подпиши (прописью, в рублях),
то в блокнотик адресок (так, на всякий случай).
Или — к бомбе приравняй: кинул, и — *ba-bakh!*

Композиторы живут в мире нахлобучек:
победителям *не та* музыка нужна.
Ой, лабайте вы не рок, а кантату лучше,
или будет вам *bo-bo, na-ni-na-ni-na...*

*** (1988)

Победитель — всегда похититель,
он с победы имеет трофей.
Им обобран правитель и житель.

Ключ от города, девственность фей —
всё его теперь, даже *de jure*,
ибо он неподсуден теперь.

Ибо этой великой фигуре
небожители ныне родня.
Перст творения — он. И натуре
просто незачем делать меня.

БУДИЛЬНИК (1988)

Счастливые будильников не ставят.
А если ставят, значит, не заводят.
А если и заводят, то — на поздно.
А если и на рано, то — не встанут.
Счастливые будильников не ставят.
Они кладут будильник под подушку.
Они — если будильник их разбудит —
его швыряют прямо за окошко.
Счастливым невдомёк, что за окошком
несчастные торопятся на службу.

*** (1982)

Ничего не слышно, кроме
мата, глупостей и лжи.
Вот трамвай, десятый номер.
На площадке кто-то жив.

В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ (1982)

Матюгов над щами реяли демоны
с никотином пополам.

Начальник, сильно разгневаны,
повторяли: план, план!

Токарь и швея-мотористка
касались коленками. *Бугор* врал:
— Нам не надо безумного риска,
в понедельник общий аврал...

КОНФОРМИСТЫ (1977)

Бригадир овощеводов из подшефного совхоза,
тунядец без приводов, исцелённый от психоза,
продавщица в магазине, члены МОСХа, ССП,
воры, гении, кретины, генералы и т.п.

*** (1991)

Старую бормотуху — в новенькие мехи.
Старенькому супругу — новенькие грехи.
Старенькую верёвку — новенькому крюку.
Новенькую метёлку — старенькому совку.

*** (1993)

Мы по кругу в потёмках бредём,
он очерчен давно был.

Да не тем, «Ильичом» —
«Красным Солнышком»! —

Смех да и только...

И двуглавость орлов
нам веками вещала Чернобыль.

А каре Декабря —
БТР *августейшего* толка...

И природа над нами
кружила сугробом угрюмым,
городила Кавказы
и рай заслоняла буграми.

Почему ж мы штурмуем
крутые азы ледорубом!
Нет бы выйти на берег,
где ласковый стелется гравий...

Плыть — куда ж нам!
Сачок капитан и матросы нешустры.

Пару футов под киль бы,
а то ведь пропорем обшивку...

И осталось — в зубах
проворачивать кислые шутки
и судьбу поминать поминутно,
индейку, паршивку.

НАШИ ЛЮДИ (1984)

пьеса

Новобранец: До свиданья, други и милые подружки!

Инженер: Я рисую дуги и маленькие дужки.

Музыкант: Я играю фуги и маленькие фужки.

ЖНЛ⁴: Слабай нам буги-вуги, сбцаем, старушки!

Новобранец: Куда меня: на Север, на Кубу, иль в Йемен?

Инженер: Я весь в ужасном гневе. Дождусь ли перемен⁵?

Музыкант: Бемоля нет в запеве, диеза нет совсем...

ЖНЛ: Хиляй отсюда, бэби, герла я, а не мен!

Занавес

⁴ ЖНЛ — женщина наших лет.

⁵ Вариант: Работаю в пять смен.

РОДИНА (1990)

Родина моя, Месопотамия,
Атлантида, Северный приют!
О мои Кентукки, о Москва моя,
о — тригонометрия Бермуд!..
О моя увядшая ботаника,
бледноледовитый сопромат...
Тонут мои личные титаники
от моих же ледяных громад.
Воздух ли вдохнуть ещё ворованный⁶,
или сразу — кануть как балласт,
стеллеровой дойною коровою
покопытно вымерев как класс?
Эмбрионом жизнь прожить ли начерно
в бытовом чаду, с нетленкой врозь,
ближний космос, спутниками траченный,
попарсечно вымерив насквозь?
Или — воротясь с Альдебарана
блудным, inferнально молодым —
вывернуть из пыльного кармана,
вытряхнуть в отечественный дым —
к радости планетки-хулиганки —
ядерные штучки бытия?..

О Россия, пригород Таганки,
маленькая родина моя!

⁶ видимо, у О.Э.Мандельштама.

ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ (1989)

Дамы, кавалеры,
бодрые попойки,
нудного ученья
дальние походы,
горные восторги,
памятные ночи...

драмы, адюльтеры,
добрые помойки,
трудное мученье,
ранние восходы,
гордые мосторги,
Молодость, короче.

ОКОТ СОЗНАНЬЯ

*** (1991)

Окот сознания, о котором
предупреждали прохиндеи,
произойдёт в конце недели
он по расчёту моему.

Употребляйте пасту с фтором.
Приобретайте орхидеи.
Не верьте этой ахинее,
а также мне и никому.

Но я заметить должен сразу,
что образ бритвой рта разрезан,
что электрическим фрезом
больной навеки сна лишён.

Лампады луч — заноза глазу —
торчит предстательным железом.
Он виноват, но бесполезен
тому, кто плачет нагишом.

СВЕТОФОР (1989)

Зелёный это цвет движения:
жизнь зеленеет, как безмен.
А жёлтый цвет — предупрежденье
давно намеченных измен⁷.
А ярко-красный цвет застоя
должны приветствовать мы стоя.

⁷ *Вариант:* Жизнь зеленеет, как бревно
измен, намеченных давно.

БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА (1988)

Он жевал да глотал, утирая уста.

Смолотил крикунов и тихонь.

Только вдруг — осознал?

подавился?

устал?.. —

перестал. Отрыгнулся в ладонь.

Но иллюзиями неоправданными

не утешиться, дело не в том!

Людоед обожрался согражданами,

вот и мается он животом.

Мы свободны теперь. Мы величественны.

Не подать нас уже на фуршет.

И пора вспоминать героическое,

романтическое, прошлых лет...

Мы ж добры! И ничуть не *озлобленные*.

Не отгрыз он души нашей, гад!

«Зуб за зуб» — не для нас, мы — особенные!..

Он же — стар, инвалид, седоват...

Он, мужчинами полон и женщинами —

лопнет **же!**..

И гуманно летит

к брюху оному с клизмой торжественной

добрый доктор. Такой Айболит.

У больного потрескался кафель лица...

(Спрятал доктор коньяк чаевой.)

В острых отблесках скальпеля капельница.

Сон. Диета... Пройдёт, ничего.

*** (1990)

Я сижу в уголочке кровати,
перепуганный, как обыватель⁸,
и дырявым своим одеялом
прикрываю ноги наготу.
А на кухне гремит телевизор,
и трясёт меня сверху до низу,
и линяют мои идеалы
по пути от базара ко рту.

⁸ почему, собственно, «как»?..

*** (1988)

*Не хныкать!
Для того ли разночинцы
Рассохлые топтали сапоги...*

О.Мандельштам

Большевики! Ужели бремя власти
вам стало непосильно? Красный стяг,
набухший кровью, вас к земле сгибает,
и совесть непомерная велит
уйти не подобру, так поздорову?
Ужели вы готовы допустить
крамольное влиянье православной
религии? И даже — *плюрализм*?..
Возникновенье партии «зелёных»
вас не тревожит? Пресловутый *брейк*?
А — «металлисты», «рокеры»?.. А — «Память»
(замечу в скобках — вскормленная вами
в райкоме на Пречистенке... пардон —
на улице Кропоткина Петра,
при жизни анархиста; кто теперь он —
не знаю...)?!

Неужели вы и впрямь
уйдёте добровольно, и народы,
вздыхнув, приступят к жизни и труду?..
— Конечно, нет! Затем ли выдвигенцы
«испанские» тачали сапоги
и иглы подноготные точили!
Напрасно что ль кровавый Джугашвили
сплетал интриги в праздничном Кремле
и девять грамм на миллионы множа,
ловил свинцовый кайф социализма!

И для того ли Молотов кровавый
дружил с кровавым Геббельсом, и сам
кровавый Гитлер, (может) целовался
с кровавым Кагановичем, я знаю!?..

Нет, вам уйти — слабó. Но что же, злоба дня —
арена ускорений потогонных?

А Гласность — серп, которым будет срезан
причудливый букет из ста цветов?

И значит, вновь — безвременно рыдать
нонконформистскими застольными слезами.

*** (1990)

Плач начётчика, камлающего бубен:
— Быть пророком выйдет боком, как и богом.
Без заветов и скрижалей, не по книгам,
перед Первым путь по минам незнаком.
И не столько почитаем, как оболган,
крылья за спину водимый по мякинам,
как непризнанный какой-то копенгаген,
фатерляндом шкандыбаешь босиком...

АЛЕКСАНДРУ ГАЛИЧУ (1989)

Итак, Вы вернулись. Но так ли
Вам грезился этот возврат!
Вы с нами, но — в виде спектакля.
Аншлаг, и места нарасхват.
Порывом бумажного шквала
в печать Ваше имя внесло.
Вы с нами. Но — в виде журнала.
Какого? — Вам было б смешно[□]...
Вам фирмы грамзаписи рады,
Вас любит советская власть,
и к Вам на приём без доклада
уже нипочём не попасть.
Блатные к Вам в очередь встанут —
цековская шваль и Совмин —
и, дёрнув лосьону, Осанну
споёт Вам бессмертный Кузьмин.
И свалку, где рвут контрамарки,
увидев, приезжий решит:
*«В заньюханний ихь Сапермаркет
опять завъезли Деффисит!
Есть новий мышление столько
кароший и прафильный слов...
Ого, как шагай Перестройка!
Виват, Камарад Корбатшофф!»*

ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ (1988–1993)

1. (1988)

Ухнул мир, а может, рухнула скамейка.
И за мною кувыркается на пол
кофемолка, зубочистка, душегрейка
и *чесночица-орехокол*.
Хозтоварами я заживо завален.
Перья штопоров качаются в глазу.
И очки разбиты где-то за роялем.
И подняться силы нет: ползу.
Горница. Сервант. Кушетка. Горка.
Красных мальчиков порядок поредел.
Пелеринка. Переборка. Перегонка.
Перебранка. Чёрный передел.

2. (1990)

В роковые минуты всё ел бы да пил,
всеблагих ублажал бы анапестами.
Но меня *собеседником* звали на пир,
потому и не подали закуси.

3. (Внутренним голосом) (1990)

Накрылась пресловутой перестройкой диалектика.
Примат иного мышленья влит в котелки над шеями.
Журналы пахнут бяками ненормативной лексики:
она легализована (в фекальном отношении).
Ну, значит, гласность, прочее... Но, говоря по совести,
моё перо эзопово не склонно к панегирику.
И жалко, что потребности приравняны к способности
достать хотя б чего-нибудь за килограмм по *чирику*⁹.

4. (1990)

Когда-то, когда расцветали события
над полулегальной листовок листво́й,

⁹ Чирик – (устар) 10 рублей (устар)

они волновали, как будто соитъя,
о них исключительно мог говорить я,
и ухо ласкал мне глушителей вой.
Но вот пролетели мгновенья экстаза,
оргазм (политический) не наступил.
Приелась трёхцветнознамённая фраза
(а, может, года передвинули фазу,
и Кронос великий мне пыл притупил...)

5. (1990)

Перестройку закончил досрочно.
Думал, в чём её смысл и итог.
Сочинял до полуночи строчку.
Кипятил на газу кипяток.
Выводил среди ночи собачку.
Лёг. В эфире ловил «голоса»
(вроде как Жанна д'Арк). Перепачкал
ручкой простынь и рожу лица.
Не поверил врачу (аллопату),
сомневаясь привычно во всём.
Мостовую пошкрябал лопатой.
К небесам воспарил, невесом.

6. (ноябрь 1990)

Внутреннему голосу

Говоришь, кругом — покати шаром?
Перестройка, мол, не хухры-мухры?
Так ведь жив же, цел, ведь к тебе с добром!
А всё баб тебе б, всё б икры-махры!
Хорошо — гуманные времена,
не грозит набегом ни хан, ни лях.
И зерна у них что у нас дерьма.
И займы — пожалуйста (не в рублях).
А могли бы шашкой: секир-башка,
как хотел, глумился бы каждый всяк.
И жена пошла б, и славянский шкаф

за оброк-ясак и за просто так.
Вот тогда дотумкал бы — что почём.
На Зарю молился бы (Октября).
А с едой-питьём всё пока путём.
Так что ты, того, не петюкай зря.

7. *(18 марта 1991)*

Как проснулся — тут же, в секунду сию же,
как ошпаренный, бегом на службу подался.
Ведь проснулся-то в Обновлённом Союзе,
в по-хорошему правовом государстве!

8. *(сентябрь 1991)*

Вот суворовцы. Румяны и упруги.
Как скрипят у них погоны и подпруги!
А какой менталитет!
Это ж генералитет —
наши завтрашние Язовы и Пуги!

9. *(декабрь 1993)*

Смейся, Пугач! Улюлюкайте, Стеньки!
Родина, плачь, дорогая Отчизна!..
Всюду валяются рваные деньги.
Вот мы и дожили до коммунизма.

СОВКИ И ЧАЙНИКИ (1993)

Кто любит кухарку! —
она же пропахшая луком.
Она же пропащая
в скрежете сальных кастрюль!..
Ей дворник подстать.
Он куражится в ватничке глупом
и машет метлой
весь январь, и апрель, и июль.

Да, пара они хоть куда:
поварёшкой супруга
любовно взрыхляет
бурлящие ляжки борща.
Ему же навьюжила
снежную женщину вьюга,
чтоб хладныя перси
лопатою ласкал, трепеща.

Тем самым, они —
как вода, извиняюсь, и камень,
как с прозою стих,
или — *огнь* в ледяных языках.
Однако, сошлись.
Расплодились. И будут веками
совместно сиять, как совки.
Или чайники как.

21 СЕНТЯБРЯ 1993 (*21 сентября 1993*)

Число, войдешь ли ты в историю,
иль просто попадешь в неё?
Тебе какие цифры вторили,
внушали как бы бытиё?
Не то же самое ли августа —
2 года с месяцем назад?
Или — «очко»?.. И, может, правда всё,
что карты сдуру говорят?..
Мы по дороге непроторенной
бредём в иные времена...
Число, войдешь ли ты в историю,
иль мимо пролетит она?

*** (1994)

Переменам — решительный бой
(бибабошек, чьи кудри из пакли).
Остаться самими собой —
хорошо это? правильно? так ли?..
Или лучше — обличье сменив,
перекрасившись, морщась от страху,
затянув как бы новый мотив
(и потуже!), рвануться — в атаку?..

*** (1994)

Фаине Гримберг

Когда пришёл Советам глубокий полный крах —
процесс пошёл — возврата разных древних.
Завидую дворянам, гуляющим в садах
из генеалогических деревьев.

В моём роду, наверно, у пращура изъян
в анкете — он стать пэрами не дал нам...
Завидую маркизам, эсквайрам и князьям,
графиням, баронетам и идальгам!

Дворяне процветают и как гербы растут.
Последний герцог Герценом разбужен.
Ах, стать бы мне бароном, евреям ведь дают.
Вон Ротшильд, например, меня не хуже.

У каждого — карета (борзые рысаки),
цыганки, эполеты и лакеи.
Усадьба на пригорке в излучине реки
и с девками дворовыми затеи...

Как выберут в бароны — забуду моветон
и весь в бомонде, в кайфе кофеина
увиджу в перспективе награждение крестом
(болгарским, как сказала бы Фаина).

Короче, я согласен принять такую честь.
Пусть префикс «де» моё украсит имя.
— А правда, что бесплатный проезд для баронесс?
— А запись где на замок с крепостными?

*** (1994)

Иллюзии! Куда попрятались?
Где всё, что в юности хотелось?..
Ах, эта чёртова порядочность,
интеллигентность, мягкотелость...

Гремя картонными доспехами
по затрапезным Зурбаганам,
Мы за туманами всё ехали.
Приехали. Теперь — куда нам?

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

МАКЛАЙ (1988)

Умом Папуа Новую Гвинею не понять.

В.Герцик

— *Туй, Туй!* — повторял он, тыча себя в грудь.

Н.Миклухо-Маклай

Я — не ровня народу в метро.

И не ровня народу нигде.

То — зачем я пишу не про то.

То — чего я хожу в бороде¹⁰...

— Я — Маклай! — говорю я, — Маклай!..

И перстом себя тычу в живот.

Отвечают мне: «*Нэ понымай!..*»

Мол, тебя только равный поймет.

— Где же равные?! — ором ору.

От меня сторонится толпа.

Всяк свою распевает муру,

пляшет собственноручное *па*.

Будь ты равный — сквозь гогот и лай

я б словил позывные твои...

Если правда я малость Маклай,

значит вы-то уж точно *Туи!*

¹⁰ Сбрил, уже сбрил!

*** (1994)

Секунды притворяются невинными,
но щёлкают зубами-карабинами,
как индикатор радиоактивности,
мигают многоточиями красными.
Минутки притворяются нестрашными,
малютками повышенной красоты,
компьютерами в ваннах керосиновых
лелеют постулаты Архимедовы.
И предстают смертельные заведомо
week-end'ы байбаками безобидными,
карманными такими пятилетками,
урывками дискретного столетия.

*** (1994)

Как игрушечка нам космос упакован.
Мирозданье, как лакей предупредительно.
Окна-двери облицованы подковой
(а лягнёт — так ведь для пользы и развития).
Все персты укажут путь, идти куда нам.
Что ни нотка, то аккорд или мелодия.
Кажный кустик расцветает *икебаном*.
Всяка буква *чичас* из-под Мефодия.
Так и двигаемся в нужном направленьи
с подходящими знамёнами и песнями,
авангард очередного поколенья,
неизбежно выбирающего пенсию.

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК (1968)

Не осталось мне радости, кроме
как уродовать ямб и хорей.
Приюти меня, пряничный домик,
Робинзона в толпе дикарей.
Под твои шоколадные своды
тихо-тихо пройти разреши.
Дай мне капельку сладкой свободы —
скрыться в тёплой ванильной тиши.
Позабить безобразную прозу,
внешний мир, неуклюжий, как шкаф,
чтобы мне — только сладкие розы
в разноцветных конфетных горшках.
И — где вафли паркетные сохнут —
в мармеладовом кресле лежать
и смотреть в леденцовые окна,
и сквозь них ничего не видеть!

ГОЛОЛЁД (1987)

Ещё на двух ногах, живой и целый,
с двумя глазами (минус полтора)
я тороплюсь всё к той же самой цели,
к которой торопился и вчера.
Мне эта цель — как яблочко мишени,
в упор раску-сы-вае-мое мной —
пока сервиз не кокнули колени
на плоскости наклонной ледяной...
Ещё по скользкой я качусь дорожке,
смакую предпоследний пируэт,
а за углом уже дежурит неотложка
и шеф огрызок выбросил в кювет.

МИНОР (1983)

Постарел и в поликлинике
я дышу едва-едва.
Разучилась лира лирике,
только буквы да слова.
Только рифмы да созвучия...
А продуктами труда
я всё родственников мучаю,
да знакомых иногда.
В голове, как гнезда галочки,
чёрной зависти комки.
Состязаться бы мне с Галичем,
да кишки, видать, тонки.
Прокричать обериутом бы!..
Нет же, старость, враг уму.
В лире струны перепутаны.
Где настройщика возьму?

ЗАВИСТЬ (1988)

Становится ясно, что, кроме воды кипячёной
и рифмы, ничто — сотворённая мною строка.
И белая зависть, темнея, становится чёрной,
и грудь каменеет, и тянется к яду рука.

Но всё-таки зависть ещё не смертельна, пока
ответствует разум эмоции этой никчёмной.
И я не Сальери какой-нибудь недопечённый.
Я благоразумен, и мне не свалить дурака.

Мне — литеры вновь перемешивать вплоть до нуля,
забить кулаками как тесто распухшую зависть.
Амбиции в сторону! Ступу заправить, не зарясь,
водой, и толочь её — лишь развлечения для...

Но ступа взлетает, и я на борту её — заяц.
И чёрная зависть, как ведьма стоит у руля.

ИГРОТЕКА (1986)

Симпатичный ветеран
в игротке служит.
Кому даст аэроплан —
тот над миром кружит.
Кто получит самокат —
носится по парку,
и проводит время вскачь
выбравший скакалку.
Кто куличики печёт,
кто тележку тащит...
Мне же добрый старичок
выдал карандашик.
Я спешу строку писать,
ибо жизнь — игрушка.
Игротеку закрывать
тащится старушка.

*** (1989)

Теперь, когда и секс идёт на убыль,
когда и пища вызывает скуку
(любовь и голод не владеют миром!)
осталась мне гармония одна.
Я не алкал гармонии в природе,
я не шукал гармонии в бутылки,
я не искал гармонии в работе
и в алгебре её я не нашёл.
И стал я стар, и вот я понимаю:
гармонию искать уже не надо.
Она теперь нигде не обитает.
Она была лишь в хлебе и любви.

СКАЗКИ И БАЛЛАДЫ

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ (1966)

Век мой, ты у Времени бредёшь в хвосте.
Нынче наступили времена не те.
Выродились рыцари. А между тем —

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

***Чёрное Чудовище растёт в темноте.
Чёрное Чудовище — четыре хвоста.
Чёрное Чудовище — конец мечте.
Чёрное чудовище — ПУСТОТА!***

Где тот рыцарь — саженных плеч,
что поднимет саженный меч,
что обрубит все хвосты
самозванцу Пустоты?!..

И день прошёл
оттикал час
и телефон
отговорил
 секунды стре-
 лок тянут нас
 в пролёты лест-
 ничных перил
 сомнанбули-
 чески покор-
 ны мы живём
 во власти их
 висит над на-
 ми как топор
 тяжёлый ма-
 ятник стальных

часов...
но есть
последний миг
стоящий стро-
го на черте.
и где-то в нас
родится крик:

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

***Чёрное Чудовище растёт в темноте!
Чёрное Чудовище — о трёх головах!
Чёрное Чудовище — конец мечте!
Чёрное Чудовище — гибель и страх!***

Где ж тот рыцарь, безвестный друг,
что согнёт богатырский лук,
не жалея тетивы
против каждой головы?..

Нас ведёт за ручку Время
час за часом, день за днём.
Мы, как женщины в гареме,
вечно очереди ждём.
Нас, как их, хранит и *рэвнит*,
и на лица гонит старь
безобразный старый евнух
под названьем Календарь.

Мы беспомощны и немы.
Потеряли мы покой.
Только знаем мы, что темень
притаилась за спиной.
Только знаем, что́ готовит
нам мгновенье на черте,
и что —

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

***Чёрное Чудовище растёт в темноте!
Чёрное Чудовище — без рук, без глаз!
Чёрное Чудовище — конец мечте!
Чёрное Чудовище — радость в грязь...***

Где же тот рыцарь, отвага чья
в цель направит удар копья,
что покончит с темнотой —
страшной, чёрной и пустой?!..

Рыцарь! Князь! Царевич! Витязь!
Отзовитесь! Отзовитесь!
Отзовитесь!.. Где вы? Где?..
Помогите нам в беде!

Жутко нам. Бессильны мы.
Нам так плохо — хоть кричи.
Дозарезу нам нужны
ваши острые мечи.

Нам безмолвен каждый час.
И бессмыслен каждый день.
Раздавило Время нас.

И —

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ РАСТЁТ В ТЕМНОТЕ!

***Чёрное Чудовище растёт в темноте!
Чёрное Чудовище — из пасти огонь!
Чёрное Чудовище — конец мечте!
Чёрное Чудовище — страшный сон...***

Где же вы, рыцарь, витязь, князь,
что войдёте к нам — смеясь,
и — легко махнув рукой —
возвратите нам покой?!..

Отвечает рыцарь: «Нет!
Меч мой — не от ваших бед.

Вашим бедам нипочём
не помочь моим мечом.

Я умею бить Кощея,
великана и злодея —
тех, кто, права не имея,
но пленив прекрасных дев,
духа нищие пигмеи,
им свернуть готовы шеи...
Ваше чудище страшнее,
души в траур вам одев.

Необъятно, бестелесно,
не проткнёшь его копьём,
для стрелы не сыщешь места
и клинок увязнет в нём...

Царь забот и развлечений,
властелин координаты,
ходит Время, точно гений
выступлений на канате.

Время мчится, как ракета,
как премьер в автомобиле,
то одних ведёт к расцвету,
то других ведёт к могиле,

то меняет стиль одежды
то меняет стиль правленья,
то поманит вас надеждой,
то отравит вас сомнением...»

*...И с этими словами
появившийся было рыцарь исчезает.*

(От автора) (1969)

Но Рыцарь рубит Кощея,
спасает дев от дракона.
Но Рыцарь молчит, не смея
переступить закона.
Он — из другого времени,
где властны железо и бицепсы.
Четвёртое измерение
непостижимо для рыцарства...
Ему — кольчуги и шпаги,
копья, щиты да шлемы.
Где же ему, бедняге,
руку поднять — на Время!..
Не помогут угрозы и премии:
они бессмысленны тут.
— Позвольте, руку — на Время?
Не лучше ли — на Пустоту?!
Нам Время — синоним прозы
житейской — долгой и злой.
А оно — распускает розы
и меняет холод на зной.

А оно нас утешит в бедах,
которых — не миновать.
Вот — парадокс Победы:
Время — не убивать!
Время — светло и красиво.
Убейте его убийцу!
Но что это?.. Стих написан,
а Время, как будто — живо!
Секунды сплетает в кружево!..
Отсюда вывод простой:
Поэзия — вот оружие
для победы над пустотой!
Победитель — не князь, не рыцарь,
не царевич даже — Поэт.

Стоп! Оглянитесь пристальней:

Чёрное

Чудовище

Меняет

Цвет!

Чёрное Чудовище меняет цвет!

Чёрного Чудовища — в природе нет!

Напрочь обрублено четыре хвоста!

В четыре измерения цветёт Мечта!

И НЕТ НИКАКОГО ЧЁРНОГО ЧУДОВИЩА!

ИСТИНА (1967)

(сказка)

*У меня подружка Капа —
девушка приличная.
У неё профессор папа
знает, где первичное.*
(Народ)

Однажды к доктору философии X приехал зарубежный оппонент Y. Они сидели во дворе дома, за зелёным столиком, где мужья вечерами забивают «козла».

— *Видите ли, в чём здесь дело...* — говорил доктор философии на чистейшем иностранном.

— *Я Вас прекрасно понял,* — отвечал оппонент ещё чище, — *но Вы не учли того, что...*

Они спорили о Материи.

Рядом играли дети.

Из гусеницы, — говорила Наташа, выгребая песок обеими руками, — *вылупливается настоящая бабочка. А кошки никогда не спят и всё видят.*

— *Да,* — сказал Вадик, — *вот у нас была собака...*

— *На бедняг позитивистов все собак вешают,* — говорил зарубежный оппонент, — *а между тем, по Карнапу Вселенная существует реально. Да возьмите хотя бы Пуанкаре или того же Маха...*

— *Мальчишница! Мальчишница!* — закричала толстая Верка, показала Наташе длинный нос из пальцев и убежала за угол прыгать через верёвочку.

— *Ваш Беркли,* — говорил профессор медленно, — *жил три века назад. Он же не мог предвидеть...*

— *Не три, а два!* — живо возразил оппонент.

— *А отсюда выходит король,* — сказал Вовка и сделал куличик перед одним из отверстий. Дворец был великолепен. В нём было множество входов, выходов, тайных галерей и переходов.

— *Но Маркс,* — говорил профессор, подняв указательный палец.

— *Позвольте, позвольте,* — перебил его оппонент, — *вот, что говорит об этом Ясперс...*

— *T-rrrrrrr!* — вдруг закричал Сережка и стал носиться вокруг песочницы, расставив руки как самолёт. — *Бум!* — он сбросил на дворец атомную бомбу (это была половинка кирпича).

— *Но отрицание отрицания отрицания приводит к непримиримой борьбе, каковая легко может перейти в **войну!!!*** — испуганно крикнул оппонент.

— *И очень просто!* — воодушевился доктор философии Х.

— *Война объявлена!* — закричал Витька, — *Первый подъезд, слушай мою команду!..*

Извиняясь, поднялся доктор философии: «*Не пройти ли нам в сквер, там тише...*»

Ушли.

— *И я хочу в войну!* — сказала Наташа.

— *Девчонок не берём!* — отрезал Витька, — *Пошли, ребята, в разведку!*

— *Подумаешь, какой!* — сказала Наташа, — *я ещё лучше вас всех в войну умею. И лучше Вадьки, и лучше Тольки, а уж лучше тебя-то и подавно...*

— Лучше меня?! Да ты стрелять-то не умеешь! Вот: та-та-та-та-та-та-та. Это пулёмёт. А вот это винтовка: тах! Тах! Тах!.. — Ага, что? — Поняла?!!

— Подумаешь! Зато я могу быть самолётом. А ты хулиган. Я видела, как тётя Варя гналась за тобой по газону, когда ты разбил окошко в высотном доме напротив.

— Не болтай! — обиделся Витька, — это был Сёмка Карпов, а мы с папой пускали змея в сквере около почты. Мой папа — научный профессор, он почти что уже академик, и он знает про всё, про что хочешь. Он даже знает про корень, в который надо смотреться, и я скоро тоже узнаю, когда буду большой, как папа.

(В окошке Витькина мама слушала, улыбаясь.)

— А он знает, — спросила Наташа, — как у пластмассовой куклы починить поломанный глазик? Её даже в ремонт не взяли...

— Знает, — ответил Витька, — но ему это неинтересно. А ещё он знает про змея — почему он летать умеет, а человек не может. Я тоже знал, но не помню. И вообще — не мешай, я занят. Все наши давно в разведке (но все ещё были рядом).

— Подожди! — закричала Наташа, — ну возьмите меня самолётом! Мне даже лётчик не нужен! Я вчера и сегодня ночью во сне летала и запомнила, как надо делать! Я могу высоко подняться, выше нашего дома... Ну возьмите меня самолётом!

— Врёшь! — закричали ребята.

А в это время
на зелёной скамейке в сквере
с тростями, упёртыми в подбородки
спорили два философа.

Один был материалист,
а другой — идеалист.

— *Видите ли, в чём здесь дело...*— говорил первый на чистейшем инопланетном.

— *Я Вас прекрасно понял, —* отвечал второй ещё чище, — *но Вы не учли того, что...*

Они спорили о Сознании.

— *Есть ощущение, —* говорил философ, — *Резцами слов надо высечь из его каменной толщи бессмертный шедевр мысли!*

— *Вы мистик, коллега, —* заметил ему оппонент. — *Язык это средство общения — ни больше, ни меньше! Своим ощущением Вы только притронетесь к вещи, но ВЗЯТЬ её словом!.. Тут нужен, пожалуй, пинцет. А то и домкрат... —* *Ваша мысль невозможно цинична, —* прервал его доктор, — *в ней Истины нет ни на грош!..*

Листва шелестела, и день был на редкость хорош. Философы в сквере казались живым парадоксом... Но спор продолжался.

— *Лишь к Истине должно стремиться!.. —* профессор размахивал тростью, как Дон-Кихот деревянным мечом.

— *Что есть Истина? —* вопрошал зарубежный оппонент, — *поиски Абсолюта? Ночные бдения Галилея и Леонардо? Взлёт мысли Галуа и Эйнштейна?.. Или, может быть, каравеллы Колумба? Или — топоры санкюлотов и робеспьеров??.*

— *Вздор! Энтропия растёт, приближая кончину Вселенной. Жухнут и тлеют цветы, обожжённые взрывом урана. Радость познания мертва. Истина — непостижима.*

Тут оппонент замолчал, лысину вытер от пота (*изысканным*

жестом) и, описав полукруг грациозным движением руки, поднял голову, нервно любясь облачком белым, прозрачно прикрывшим палящее солнце.

И вдруг
он увидел такое!
Что вздрогнул!
Что встал!
Что беспомощно челюсть отбросил
подбородком на бежевый галстук
(и при этом лицо его преобразовалось *аффинно*¹¹)

— *Мамочка!* — закричал он на чистейшем меж-
галактическом и протёр пенсне.

Он увидел —

КАК
НА ВЫСОТЕ ШЕСТОГО ЭТАЖА
В РАЗВЕВАЮЩЕМСЯ ПЛАТЬЕ
ХОХОЧАИ МЕДЛЕННО ГРЕБЯ РУКАМИ ВОЗДУХ
ПРОЛЕТАЛА ДЕВОЧКА!!!
И ИЗ СИНИХ ГЛАЗ ЕЁ
ВОСТОРЖЕННОЕ
ВЫПРЫГИВАЛО
СОЛНЦЕ!!!...

И прохожие остолбенело задирали головы и, подобно рядовым при встрече с генералом, чётко, как по команде, поднимали ко лбу ладони.

И когда это стало известно миру, и на Западе упали акции автомобильных заводов, и (*ихний!*) Главный Конструктор повесился на подтяжке, поняв что всю жизнь напрасно зани-мался сопроматом...

В это самое время Наташа, благополучно приземлившаяся

¹¹ отображение евклидова пространства или плоскости в себя переводящее прямые в прямые называется аффинным.

во дворе своего дома, показала язык мальчишкам, прекратившим играть в войну, а потом убежала домой.

А философы в сквере уже ни о чём не спорили. Они молча и хмуро из гранёных кружек разбавленное тянули пиво.

И головы их по-прежнему упирались подбородками в трости.

А вечером к Наташе нагрянули были гости — разные репортеры, дети, соседи любопытные, но мама их всех повыгнала, потому что Наташа уже спала и не знала, что она миру дала.

И мир засиял, преображённый. Школьников освободили от занятий. Генералы перековали ракеты на ночные горшочки. Философы забросили сначала первичное, а потом и вторичное, и занялись выращиванием бород: одни как у Маркса, другие как у Платона. Бороды получались рыжими, клочкастыми, но удивительно одинаковыми.

Физики перестали бояться метафизики, и старый практик-*анакорет Ероха Накитка*, улыбочиво раздвигая седые усищи, долго ползал под кроватью и наконец достал *оттудова* ржавую консервную банку, из которой он давно уже тайно начал создавать

**ПЕРВУЮ В МИРЕ
МАШИНУ ВРЕМЕНИ.**

И всё это потому, что в небе

**НА ВЫСОТЕ ШЕСТОГО ЭТАЖА
В РАЗВЕВАЮЩЕМСЯ ПЛАТЬЕ
ХОХОЧА
И МЕДЛЕННО ГРЕБЯ РУКАМИ ВОЗДУХ
ПРОЛЕТАЛА ДЕВОЧКА!!!
И ИЗ СИНИХ ГЛАЗ ЕЁ
ВОСТОРЖЕННОЕ**

**ВЫПРЫГИВАЛО
СОЛНЦЕ!!!..**

Вернее, не поэтому,
а потому,
что в ЭТОМ
была
ИСТИНА!!

ПОХОД ДОНА ЗАДРЫГЕСА (1987)

Дон Бессильо Задрьгес Инфлуэнца-и-Амба, внук покойного гранда Угостиньо Сквернандо, в час ноль-ноль пополудни отбывает сегодня с палестинцами биться ради гроба Господня. И супруга Бессильо, ясноокая Пьянка, пьёт четвёртую склянку (видимо, валерьянку), ведь в Голанских высотах, в духоте inferнальной, долг отдаст дон Задрьгес — интернациональный! Что как злой сарацин уязвит его шпорой, или самаритянка соблазнит мандрагорой, иль забывшего спяну пресвятую идею в нечестивую веру обратят иудеи?..

Час отъезда подходит. Но с громадной бутылью Вдруг является рыцарь дон Свиньяго да-Вилья. Дон Свиньяго до гроба предан дону Бессильо. Вот они уже оба — вместе с этой бутылью. Погоди, дон Пьянка, пить свою валерьянку, дон Задрьгес, пожалуй, выйдет вон — спозаранку. Он, в конце концов, весел, он здоров и свободен! Ну ещё один вечер гроб потерпит Господень! Но, в разгар вакханальи не прошедшие мимо, входят в замок Бессильо два святых пилигрима. Они грозно взирают на напитки и яства. Взор потупил да-Вилья. Инфлуэнце всё ясно.

И сказал из них старший: «Значит, в землю Святую в час ноль-ноль ты не отбыл. Я тебя арестую. Ты ж не только подводишь сам себя и обитель, ты Спасителя, может, сим поступком обидел!..» А другой пилигрим подытожил негромко: «Стыд и срам дезертирам клерикального фронта! Марш на выход с вещами!» Тут супруга вмешалась и спасла дону Амбу, упирая на жалость.

Донна Пьянка сказала: «Дорогие коллеги!
Не катите на дона Инфлуэнцу телеги,
ибо дон Инфлуэнца и вот этот — Свиньяго —
получили знаменье, чтоб не делать ни шагу.
Уж и конь был осёдлан, и супруг, беспокоясь,
самолично замкнули мне для верности пояс.
Но завыли собаки, и из ясной лазури
вдруг чего-то сверкнуло, и — грома громыхнули.
Металлический флюгер прямо с крыши сорвался,
и из воздуха ангел златокрылый соткался. »

Тут вскричал дон да-Вилья, непотребно икая:
— Это дух, а я думал — это бочка такая!..
Это дух, а не ангел, он как бочка огромный!..
Поднял голову Амба и заметил: «Не помню.»
Донна Пьянка сказала: «Флюгер сломан и ладно.
Ангел же оказался духом дона Сквернандо!..
И воскликнул Свиньяго, в кофе соус накапав:
«Мне покойник был должен восемнадцать дукатов.
Значит, он теперь в духах, как и в жизни — повеса:
Не отдал он мне, сука, ни единого песо.»
Тут Задрыгес в Свиньягу запустил табуретом:
«Мой прославленный пращур Вами зло оклеветан!
Я такого не помню, хоть стоял с Вами рядом!..
Пилигримы смотрели подозрительным взглядом.

Рвёт Задрыгес перчатку: туговато надета,
дон Свиньяго вскрывает кобуру арбалета,
громко молятся богу два святых пилигрима,
чтобы в ходе дуэли попадали все мимо.
Донна Пьянка в испуге молча руки ломает,
но берёт себя в руки и дрожа продолжает:
«Дух как стукнет об землю электрическим током,
так у нас три коровы до сих пор ходят боком!
И теперь дон Бессильо принимает лекарство,
чтоб не вылететь всуе в преисподнее царство...»
Дон Задрыгес не слышит — колет воздух рапирой,

арбалетные стрелы в креслах делают дыры.
Дон Свиньяго да-Вилья сто из ста где-то выбил,
и любезному другу он готовит погибель...

В это время и вправду небо застили тучи,
засверкало с востока, дунул ветер могучий,
Донна Пьянка как визгнет, что-то в сумочку спрятав:
«Боже! С неба упали восемнадцать дукатов!»
И действительно — деньги показала в ладони.
Тут, оружие бросив, призадумались доны.
Ужаснулись монахи, зазвенела молитва,
и бесславно закончилась неуместная битва.
А дукаты святые пилигримам достались:
ведь не зря же молились, не напрасно старались.
И монахи сказали: «Если так, то конечно.
Неспроста эти штуки, видно, кроется нечто...»

Им лекарства налили и поесть дали тоже,
ведь лекарство, оно же — профилактика всё же!
И поев, пилигримы двое суток молились,
и постом очищались, и потом удалились.
И ушёл дон Свиньяго, этот доблестный рыцарь,
не забыв с донной Пьянкой прегалантно проститься.

Пролетело три года удручающим мигом.
Гроб Господень как прежде — под языческим игом.
На замок заперт замок. Пилигримы забыты.
Донна Пьянка в запарке: то шитьё, то корыто...
Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба
вечерами играет на *viola da gamba*,
принимает лекарство, пребывает в сомненье:
То ли было знаменьё? То ли будет знаменьё?..

БАЛЛАДА О СТАРУШКАХ (1990)

В древнем стрельчатом замке не привиденья бродят —
чёртова дюжина монстров трётся у толстых стен.
Самая страшная мымра роется в огороде.
Самая старшая мымра трескает седуксен.
Чудища пляшут в залах, в сумеречных проходах,
мажут по стёклам рожи, воют, грозя перстом...
А возле старого замка так безмятежна природа,
будто в саду не стыннут ступы для этих персон.
Замок гудит и стонет, дым летит коромыслом.
Эзотерически точен строгий и злой устав.
В воздухе чертят лапы знаки со скрытым смыслом.
В кухне булькает пойло из смертоносных трав.

В это самое время в роще неподалёку
в трёх развесистых липах зацикливаясь с утра,
замужняя дама с сыном (вот она, подоплёка!)
чувствует неожиданно необъяснимый страх.
Станный и резкий запах даме пронзает ноздри.
Мальчик ослабевает — транс? летаргия? сон?..
Крестообразным телом, затвердев становится воздух.
Наподобие центробежной — сила влечёт их вон!

.....

Им улыбаются в замке ласковые старушки.
Юные пионеры режут лимоны в чай.
Но после ихнего чая чары-то фиг разрушишь...
Ну, и они поддаются действию оных чар.
С этого места текста так и разит Ланцелотом —
вот кто разит и мочит — боли не причиня.
— Где же добыть такого? — А он, извиняюсь, вот он.
Нынче за Ланцелота рыцарем лично я.
МНЕ помогают тайно духи земли и неба:
кепочка-невидимка, как его... *кладенец*...
Ух, пофехтуем классно! Выпады вправо, влево —
тут и придёт им, гадам, требуемый конец!..

Впрочем, рассказ — для взрослых, значит, не надо чуда.
И не с руки мне биться заговорным копьем.
Тайная мощь — позорна! Заклятую прочь кольчугу!
Компьютер бы! А то больно рутины велик объём.
Чем же, однако, драться? Духи не помогли мне...
Ну, приравняю к стержню гуманитарный штык...
Я им стихом бы вмазал (он тем более длинный),
но — как душа от тела — от них отлетает стих.
Ведьмы меж тем не дремлют

СОДЕРЖАНИЕ

Для веры непременно откровенье.....3

ПОЭТА САН ТОРЖЕСТВЕННЫЙ

НАЧАЛО И КОНЕЦ.....4

В ожиданье транспорта позволим.....5

Форма, видите ли.....6

Сажусь на своего конька.....7

Неважно, о чём.....8

И мы сидели.....9

Понять, кто талант.....10

В ПОЕЗДЕ.....11

ГЕРОЙ.....12

КАК ПРИНЯТО.....13

ИГРА.....14

Когда под кнутом.....15

Поставил дату.....16

ЛЕЛЕЮ ОБОСОБЛЕННОСТЬ ДУШИ

ПЯТЬ СТРОФ.....17

В ТРАМВАЕ.....18

ПО СПИРАЛИ.....19

СЛУЧАЙ.....20

БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ.....21

Какое имеешь ты право.....22

Лелею обособленность души.....23

ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ.....24

ОТ ИОНЫ.....25

ВСЁ НЕ ТО.....26

ЛИНИЯ ЖИЗНИ.....27

БИОРИТМЫ.....28

НА ПРИЗНАНИЕ АСТРАЛА.....29

ПОДЛИННЫЙ СЛУЧАЙ.....30

ДЕМОНЫ.....31

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЕЛ.....33

ПОБЕДА НАД КОЩЕЕМ.....34

ЕЩЁ О НЁМ ЖЕ.....35

ОСТАНОВЯСЬ НА ПОЛУШАГЕ

ОБМЕН.....	36
Я не живу с твоей карточкой.....	37
Остановясь на полушаге.....	38
Бессонница. Комар.....	39
ЛИРИЗАЦИЯ.....	40

ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ

РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН.....	42
ТРУБА.....	43
КОГОТЬ.....	44
ПЛАТФОРМА... БОЛОТА.....	45
КОМПОЗИТОРЫ И ПОБЕДИТЕЛИ.....	46
Победитель — всегда похититель.....	47
БУДИЛЬНИК.....	48
Ничего не слышно.....	49
В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ.....	50
КОНФОРМИСТЫ.....	51
Старую бормотуху.....	52
Мы по кругу в потёмках.....	53
НАШИ ЛЮДИ.....	54
РОДИНА.....	55
ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ.....	56

ОКОТ СОЗНАНЬЯ

Окот сознания, о котором.....	57
СВЕТОФОР.....	58
БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА.....	59
Я сижу в уголочке кровати.....	60
Большевики! ужели бремя власти.....	61
Плач начётчика.....	63
АЛЕКСАНДРУ ГАЛИЧУ.....	64
ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ.....	65
СОВКИ И ЧАЙНИКИ.....	68
21 СЕНТЯБРЯ 1993.....	69
Переменам — решительный бой.....	70
Когда пришёл Советам.....	71
Иллюзии! Куда попрятались?.....	72

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

МАКЛАЙ.....	73
Секунды притворяются невредными.....	74
Как игрушечка.....	75
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК.....	76
ГОЛОЛЁД.....	77
МИНОР.....	78
ЗАВИСТЬ.....	79
ИГРОТЕКА.....	80
Теперь, когда и секс.....	81

СКАЗКИ И БАЛЛАДЫ

ЧЁРНОЕ ЧУДОВИЩЕ.....	82
ИСТИНА.....	88
ПОХОД ДОНА ЗАДРЫГЕСА.....	95
БАЛЛАДА О СТАРУШКАХ.....	98

Александр ВОЛОВИК

СВЕРСТАТЬ ВСЕХ НАВЕК

Стихи

Компьютерная вёрстка: Александр Воловик

Подписано в печать 02.07.2022.

Гарнитура Verdana. Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Тираж договорной

Текст публикуется в авторской редакции

Издательский Дом «Вручную»